

Привет из прошлого

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Олег Вайс

Олег Вайс

Привет из прошлого

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Вайс О.

Привет из прошлого / О. Вайс — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Любовная, пейзажная, гражданская лирика, короткие рассказы о пережитом автором в разные годы жизни. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	6
Стихи разных лет	7
Предчувствие разлуки	8
Исцеление	9
Ностальгия	10
Счастье	11
Бессонница	12
Грёзы	13
Ночь	14
Лекарство	15
Старый пиджак	16
Карусель	17
Воскрешение	18
Про поэта	19
Вокзал	20
Хождение по снам	21
Предвестники любви	22
Путешествие в вечность	23
Зной	24
Серебряный дождь	25
Октябрь	26
Молодость	27
Зимой	28
Памяти Сергея Есенина	29
В. С. Высоцкому	30
Кошкина молитва	31
Свобода	32
Кофе в постель	33
Приметы осени	34
Жизнь	35
Заутреня	36
Завтра	37
Осенний блюз	38
Плачут ивы да берёзы	39
Удачный день	40
Моему Ангелу	42
Стоп-кадр	43
Чужая боль	44
Май	45
Взгляд	46
Осень	47
Любовь	48
Путь	49
Она вертится	50
Ещё не вечер	51
Мой Питер	52

Вечер	53
Липовый чай	54
Антоновка	55
Осенние мотивы	56
Вечность	57
Лето	58
Луна	59
Карусельные лошадки	60
Весна	61
Вечеря	62
Кошка	63
Июльский дождь	64
Запах свежескошенной травы	65
Весеннее	66
Женщинам	67
Весенние сны	68
Осенний сплин	69
Осенние метаморфозы	70
Бабье лето	71
Прощание с осенью	72
Преддверие зимы	73
Зимний город	74
Дыхание зимы	75
Снег	76
Зимняя сказка	77
Первые заморозки	78
Моей музе	79
Евангелие от фонаря	80
Вначале было слово	81
Трава-мурава	82
Жёсткий вагон	83
Старый дом	84
Глаза	85
Шитьё по живому	86
Миг	87
В горах	88
Терпкий вкус рябины	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Предисловие

Уважаемый читатель, этой своей маленькой книжицей я не собирался повернуть время вспять, и заставить ностальгировать по всему тому, что называется прошлым, отнюдь. Я попытался выбрать из него то, что пережито мною лично, то, что никогда не сотрётся из памяти, и, что можно назвать испытанием, пройдя через которое формируется человек. Будучи хирургом с 45-летним стажем, и прочувствовав на себе, не только свои победы и поражения, как целитель, но и побывав пациентом, человеком ожидающим своей участи и живущим надеждой на счастливый случай, подарок судьбы – жизнь, я конечно же накопил в кладовых своей памяти достаточно, чтобы написать то, что я Вам предлагаю к прочтению.

Всё написанное взято из жизни, пережито лично мной самим и посвящается моей любимой женщине, жене, матери наших горячо любимых четырёх детей и бабушке наших десяти обожаемых внуков, которые талантливо иллюстрировали мои детские стихи, написанные для них.

Особая благодарность человеку с большой буквы, русскому писателю и сценаристу многих советских фильмов, который сам того не подозревая, стал моим первым критиком и учителем, доброму другу нашей семьи, Владимиру Владимировичу Кунину.

Здесь собрано всё: любовная, пейзажная, гражданская лирика, шуточные стихи, тексты авторских песен и коротенькие рассказы.

Предлагаю читателям, заглянуть в нашу семейную книгу и попробовать на вкус строчки, рождённые самой жизнью. Надеюсь не огорчить читателя ощущением потерянного зря времени.

Это привет из прошлого всем живущим сегодня, с надеждой на счастливое светлое будущее.

С уважением и любовью

Стихи разных лет

„Испытанья любые приму
и готов на любой я грех,
так хочется побыть одному,
чтобы снова любить всех.
Я, перед входом в мир иной,
стою пред выбором широким:
в раю мне будет одиноко,
а ад пугает теснотой.”

Предчувствие разлуки

Шипела в старом патефоне
"Бостоном" стёртая игла.
Сквозь чернь оконного стекла
упала тень на подоконник.
Луна висящая над крышей,
светила, споря с фонарём,
и свет зари был третьим лишним,
нам угрожая будним днём.
Уже шуршал метлою дворник,
сменив уставшую иглу,
борясь с предчувствием разлук,
я целовал твои ладони.

Исцеление

Загадаю себе и сбудется,
погода откроется лётная,
отпустит дороги распутица,
и рана в душе заживёт моя.
Где пешим, а где и попуткою,
по воздуху, или по морю,
к тебе заявлюсь на минутку я,
от сердечной лечиться хвори.
Пьянит приворотное зелье,
синих глаз колдовская сила,
как ребёнка, в больничной постели,
ты любовью меня лечила.

Ностальгия

Всё жёстко расписано
чёрным по белому,
а хочется снова,
по чёрному мелом.

Счастье

Видно время подошло,
отгремели громы,
горе былью поросло,
стало невесомым.
Только где-то, в глубине,
за грудинной костью,
от прож'итого ко мне
сохранился мостик.
И, пытаясь перейти,
внутри, не зная брода,
я стою на полпути
своего исхода.
Ощувив земную твердь,
жгу мосты заранее,
и готов принять я смерть,
в дар и в наказание.
А 'искра тёплая внутри,
что на ветру не гаснет
и до сих пор ещё горит,
оказалась счастьем.

Бессонница

за окошком горлица,
курлычет, словно молится,
а у меня бессонница,
хоть выколи глаза.
гулит, как баба на сносях,
в надежде, что раскаюсь я,
свои молитвы вознося,
незримым образом.

Грёзы

Забуду я печаль и грусть,
в дурман мгновений окунусь,
и, нежась в шелесте страниц,
коснусь душой знакомых лиц,
знакомых рук, знакомых глаз,
как будто этот миг сейчас,
в нём мы с тобой, одни вдвоём,
весь заполняем окоём.

Ночь

Когда уже невмочь,
и чувства на пределе,
бессонница сдаёт
последний свой редут,
спасительница ночь,
как тёплый дождь в апреле,
в мир сказок уведет,
где чувства оживут.
Пусть бестелесны сны
и лица безымянны,
а сказка коротка:
вот вот грядёт заря.
Чтоб с лунной стороны,
вняв жизни запах пряный,
и вкус любви глотка,
понять, что жил не зря.

Лекарство

Если станет не о чем спорить,
и в душе наступит усталость:
это ещё не горе,
это ещё не старость.
Мы совета у доктора спросим:
"Может просто пора на свалку?"
Он ответит: «Мне очень жалко,
это просто подкралась осень.
И, свою собирая жатву,
всё, что лето с солнцем отдало,
возвратит вам весной обратно,
чтоб на сердце теплее стало».
Мы с тобою растопим печку,
и будем вдвоём вечерами,
любовь из душевной аптечки,
при болях прикладывать к ранам.
Я, про возраст забыв разговоры,
принесу тебе кофе в постель,
раздвину на окнах все шторы,
и к нам возвратится апрель.

Старый пиджак

Обрастает память дырками,
как карманы в пиджаке,
видно часто пальцем тыркали,
сжатым фигой в кулаке.
Был всегда в кармане штопор,
провалился он в дыре,
дырку наскоро заштопал,
чтоб не зябнуть в декабре.
Ничего, что нафталином
пахнет старый пиджачок,
если в доме нет камина,
подниму воротничок.
Сохраню его, как память,
как копилку для наград,
если мало места станет,
поношу на маскарад.
Я люблю пиджак мой старый,
хоть он ветхий и дыряв,
в нём удобно и на нарах,
и на праздник Октября.
На приём у королевы,
я займу на время фрак,
скину в дырках мой, как невод,
верный старенький пиджак.
И друзья конечно правы:
дело вовсе не в дыре,
ничего, что он дырявый,
важно чтобы душу грел.
Легче фрак купить, чем память,
даже если не богат,
всё равно, что было с нами,
не вернуть уже назад.

Карусель

не успел с зимой проститься,
как весна в окно стучится,
чтобы новую страницу
в чувствах приоткрыть.
пробуждая от дремоты,
нас вопросом: где ты, кто ты?
закружит в водовороты,
заставляя жить.
книга жизни без закладок,
и полным полна загадок,
их ответ безумно сладок,
и пьянит, как хмель.
но, все чаще в чувствах прочерк,
жизнь становится короче,
и однажды, среди ночи,
встанет карусель.

Воскрешение

Мой дух распяли времена,
не тронув тело,
живой остаться лишь одна,
любовь сумела.
Мне греет угли под костром,
согреть пытаюсь,
чтоб тело тлело под крестом,
душе на зависть.
Зимой наступят холода,
костёр дотлеет,
и, телу силы все отд мчав,
любовь слабеет.
Пуржит метель, бело окрест,
как в дивной саге,
ложится снег, как анапест,
на лист бумаги.
Верну тепло любимых губ,
сойду с креста я,
оставлю сердце на снегу,
и снег растает.

Про поэта

Груба материя, но без неё увы никак,
надолго словом хлеб не заменить,
в каморке тесной, натошак, поэт-чудак,
кует из слов стихов серебряную нить.
Из звуков, что неслышны шдля других,
из трелей птиц, из шелеста листвы,
его соседи называют просто: псих,
ведь кроме прочего, он всех зовёт на Вы.
Детей пугают им, вздыхая с сожаленьем:
не дай Господь им заразиться от него,
он так опасен для грядущих поколений:
ведь он из слов не производит ничего.
А чудик-псих всего не слышит и не видит,
из всех материй, лишь бумага и перо,
он на соседей глупых вовсе не в обиде,
упрямо снова ставит слово на зеро.

Вокзал

В шуме будничном вокзала,
где царил привычный гул,
репродуктор вдруг прорвало,
будто рявкнул Вельзевул.
Булькнул что-то, еле внятно,
не прокашлявшись с утра,
был курильщик вероятно -
хрип из самого нутра.
Нищий с сумкой на скамейке,
в ожидальный въехав транс,
в нём просматривал ремейки
– льготный дежавю сеанс.
В многоликости вокзальной,
споря с многоцветьем лиц,
нищий внешности сакральной
– украшение столиц.
И, вливаясь в жизни эхо,
свистнув, литерный ушёл.
На скамейке нищий ехал,
в миф, где было хорошо.

Хождение по снам

Несбыточно-заветная мечта,
вдруг погрузиться в первозданный х'аос,
где не на сцене, настоящий Фауст,
всем нынешним поэтам не чета.
Там, как простой, с зонтом идёт прохожий,
копытом шлёпая по лужам, босиком,
сам Мефистофель, настоящий тоже,
махая канночкой, к козе за молоком.
У них у всех, что на уме – на языке,
там слово золото, а вовсе не молчанье,
и всем живётся, как-то просто, налегке,
ну, разве только, кто напьётся паче чаянья.
Нет светофоров и шлагбаумов тоже нет,
а за порядком следит один Всевышний,
забот небось у Бога, выше крыши,
один на всех, без перерывов на обед.
А я среди них – ну точно: "конь в пальто",
с привычками земными не расстаться,
стараюсь быть собой, но всё не то,
хоть и прошло уж лет наверно ... 'надцать.
Видать пожизненно нести, как крест печать,
мне небом данную, в бесчисленных коленях,
мы знали с детства, золото – молчать,
а мысль, что истина в вине, была нетленна.
Вернусь пожалуй и, как овощ буду зреть:
я не готов для хаоса духовно,
а при желании в него вернуться впредь,
засну в мечтах, не выходя из комнат.

Предвестники любви

Сей миг неуловим,
незрим и невесом он,
его не взять рукой,
не взвесить на весах.
Предвестники любви
в обход земных законов,
начертаны строкой,
двоим на небесах.

Путешествие в вечность

Искал я вечность
в вещах и мыслях:
жрёт время чувства,
железо ржа.
Сверчок за печкой
играет Листа,
червяк в капусте,
ест без ножа.
Поёт синица,
цветёт подснежник,
миг быстротечен,
как с моря бриз.
Весна из ситца
здесь снится реже,
октябрь изменчив
и неказист.
А время мчится,
стирая память,
лишь миг оставив,
как след во тьме.
Нам только снится,
что это с нами,
где каждый вправе,
летать во сне.
Свернусь в калачик,
глаза зажмурю,
слетаю в детство,
вернусь назад.
Проснётся мальчик,
спросонок хмур он,
попав из лета
в осенний сад.

Зной

Воздух плавится от зноя,
жаром пышут тротуары,
в небе, как овец отары
облаков кудрявых рой.
Даже кошка изнывает,
у забора ищет тень,
и мышей не замечает,
шевельнутся бедной лень.
Жарюсь, как на сковородке,
на песчаном берегу,
а потом, ныряю с лодки,
а потом, с тобой в стогу.
Зной и сверху, зной и снизу,
нам вдвоём не страшен, но,
вдруг, по Божьему капризу,
дождь просыпался грибной.
Кошка спряталась в сарае,
никого на берегу,
на краю земного рая,
мы целуемся в стогу.

Серебряный дождь

Так хочется услышать нынче слово,
в котором звук и мысли заодно,
хоть на мгновенье очутиться снова,
среди героев чёрно-белого кино.
Услышать шёпот серебряных дождей,
вкус ощутить берёзового сока,
след отыскать в заросшей борозде,
затерянный в пути по воле рока.
Вздымая муть, как в половодие река,
по памяти, родной и близкий берег,
найдя увидеть, как теряются в веках,
слова и мысли в жизни Англетере.
Всю жизнь перебирая кадр за кадром,
и по дождям серебряным скорбя,
я чувствую затылком безотрадный,
из прошлого многострадальный взгляд.
А счастье кратковременно и зыбко,
вся жизнь – никем несчитанные дни,
а муза, словно золотая рыбка,
секреты слов в пучине вечности хранит.
Я возмущённых критиканов слышу окрики:
смесь из обломков чужих нерусских слов,
а рядом кто-то, вытирая носик мокренький,
вовсю строгаёт рифмы про любофф.

Октябрь

Блекнут краски, шелест глуше
у слежавшейся листвы,
мне б хоть парочку веснушек -
к ним за лето так привык.
Всё трудней собрать из листьев
яркий, красочный букет,
хоть берись за краски с кистью,
так наскучил серый цвет.
Солнце светит, но не греет,
под бодрящий ветерок
бьётся, словно флаг на рее,
неоторванный листок.
По утрам всё чаще лужи
под ногами льдом хрустят,
поскользнёмся неуклюже -
сердит нас любой пустяк.
Как всегда капризна осень:
то ли дождик, то ли снег,
а октябрь – вообще несносен,
и упрям, как человек.
Сразу вслед за бабьим летом,
маскируясь под него,
он пришёл легко одетым,
в снег попал и занемог.
Ливнем с крыш течёт бедняга,
в трубах насморком бурля,
под дождём скулит дворняга,
на минорной ноте "ля".

Молодость

Умом нас было не унять,
любовный правил голод.
Весь мир хотели мы обнять,
и мир был тоже молод.
С тобой играючи в стогу,
ловили свет горстями,
надеясь юность на бегу,
на вечность мы растянем.
Она кометой пронеслась,
оставив след на память,
твой поцелуй и первый вальс,
он с нами в лету канет.

Зимой

Белоснежные равнины
убегают в небосклон.
Тает еле различимый
в серой дымке горизонт.
Сани мчатся, снег взрывая,
вёрст наматывая ком,
ветер встречный обжигает
щёки жёстким языком.
А вдали, за снежной дымкой,
кромка леса встанет вдруг,
с позаброшенной заимкой,
и покрытый снегом луг.

Памяти Сергея Есенина

"Первый парень на деревне,
а деревня эта – Русь,
ей, как сказочной царевне,
он дарил любовь и грусть".

Дал Бог любви немеряно,
поцеловавши в темечко,
вложил в уста медовые
заветные слова.

Дал блеск в глазах уверенный
и, как в парной от веничка,
у баб, им околдованных,
кружилась голова.

Дал насладиться славою,
до головокружения,
познать за жизнь короткую
с лихвой и Крым и рым,
любимым стать державою,
аж до изнеможения,
в дворцах и за решёткою,
рабом чужой игры.

Дал удаль молодецкую,
Русь воспеть кабацкую,
пустив талант на волю,
хмельную, без узды,
до смерти душу детскую,
дав ей судьбу дурацкую,
покинуть землю с болью,
оставшись молодым.

И поэтому в ночи осенние,
клён опавший завидя в окне,
лachtet Русь по Серёже Есенину,
"золотыми звёздами в снег".

В. С. Высоцкому

Боль за сгнивший наш порядок
ты хрипел.
Быть с тобой хотел я рядом,
не успел.
Вены вздыбились на шее
и на лбу,
предвещая нам нелёгкую
судьбу.
А на кухнях наших маленьких
квартир,
с этим хрипом зарождался
новый мир.
Нашей совести поднялся
потолок,
осветив наш самый тёмный
уголок.
Пел о дружбе, о хорошем
и плохом,
жизнь улучшить Ты хотел
своим стихом.
И в Париже, и в узбекском
Чирчике,
песни пел на чисто русском
языке.
Мир изменится и канут в век
года,
в сердце нашем Ты остался
навсегда.

Кошкина молитва

У кошки бездомной орава котят:
цена легкомыслия в марте,
она не жалеет о прошлом, хотя,
ей снится подвал на Монмартре.
Подвальчик на солнечной стороне,
где даже и осенью сухо,
а рядом скулит не на русский манер,
такая же, только сука.
Лижет французским своим языком,
щенят, постигающих Фрейда,
незрячим, впитаются в кровь с молоком,
инстинкты любить без апгрейда.
Хоть в кровь им изгрызли потомки сосцы,
и тощие пуза отвисли,
обе не ждут ни Харибд и ни Сцилл,
повсюду и ныне и присно.
И молится кошка незримым Богам:
за всех обездоленных мантра,
за суку с Монмартра и кошек с Багам,
и за повторение марта.

Свобода

Бьётся рыба на крючке,
бьётся бабочка в сачке,
а на шее бьётся жилка,
тесно ей в воротничке.
Вся надулась от натуги,
аж в глазах поплыли кр'уги,
и дрожмя дрожат поджилки,
как в горячечном недуге.
Распустил я воротник,
воздух в грудь мою проник,
я, как птица на свободе,
словно узник без вериг.
Скучно без воротничка,
скучно рыбе без крючка,
жилке ровно биться скучно:
спит, как скрипка без смычка.
Донага разделся, гол,
но в душе царит раскол,
а свобода где-то рядом,
без претензий на престол.
Строг наряд её и прост,
с ней коса на всякий рост,
и не давит шею ворот
ожерелие из звёзд.

Кофе в постель

Любишь ты кофе в зёрнах,
неприменно ручной помол,
с пенкой чтоб был и чёрный,
чтоб дух ароматный шёл.
Впотьмах, обжигаясь об турку,
я тебе сочинял мадригал,
куплет напевал про Мурку,
а кофе всегда убегал.
Как мираж появлялась на кухне,
ты в сонном ещё забытье,
казалось, что мир весь рухнет,
растворится в небытие.
Пьянил в полумраке твой профиль,
озноб ниспадавших бретель,
я спешил отвечать на Голгофе,
за кофе сбежавший..., в постель.

Приметы осени

Приметы осени ещё не режут глаз,
их август скроет жаркими деньками,
упрятав в память тысяч фотокамер,
на снимках лета, в профиль и анфас.
И лишь разглядывая фото из альбома,
 заметишь первые морщинки на лице,
глаз выражение, доселе незнакомое,
как баритон, сорвавшийся в фальцет.
Там лёгкий иней в бронзовом окладе,
на летнем солнце по осеннему блестит,
напоминая о грядущем листопаде,
и я, несущий молодость в горст'и.

Жизнь

Туманное утро,
блеснула росинка в траве,
и в дымке рассветной
слил'ась с облаками.
их ветер попутный,
помчит, словно стадо овец,
чтобы пасть неприметной,
дождинкой на камень.

Заутреня

Мне в окно заутреню
воробей чирикал,
чтобы радовался дню
и делам великим.
Чтобы солнцу был я рад
и весны приходу,
майский чуял аромат,
даже в непогоду.
Воробей не соловей:
он глаш'атай буден,
с песней утро веселей
и подъём не труден.
Буду до заката дня
помнить ту молитву,
стал понятен для меня
слог её нехитрый.

Завтра

Громко спорят за окном
воробьи с синицами,
на дворе ещё темно,
но уже не спится им.
Первый утренний трамвай
зазвонит азартно,
разбудив вороний гай,
и наступит завтра.

Осенний блюз

Осень своё отплакала,
сняв наряды до лучших времён.
Их оденет она не для всякого,
а только для тех, кто влюблён.
Лишь для них будут кудри берёзок,
о встрече шептать на ветру,
осень их сохранит до морозов,
а метель им наденет фату.
Даст зиме в чёрно-белых одеждах,
брошь на память из алых рябин,
как гвоздик на ковёр белоснежный,
снегирей красногрудых рубин.
Обещай ты мне осень спасение,
грусть закутай теплей в тишину,
чтобы сны мне приснились весенние,
несмотря на мою седину.

Плачут ивы да берёзы

Плачут ивы да берёзы,
шепчут, жалуясь реке,
та вбирает бабьи слёзы,
и вплетает в свой букет.
Слёзы девичьи добавит,
смастерит из них венок,
по течению отправит,
тем, кто в жизни одинок.

Удачный день

Удачный день:
ни писем,
ни звонков,
лишь за окном,
беззвучна
и печальна,
из снега сень,
как биссерный,
покров,
а в горле ком,
колючий,
от молчанья.
Быть одному,
забыться
от сует,
перелистать
вопросы
и ответы,
чтоб самому,
в страницах
прежних лет,
себя узнать
мог по простым
приметам.
Смолоть гордыню
в самоедства
жерновах,
врагов простив,
друзей узнать
по новой,
в пустыню
бегство -
лишь одни слова,
миф
мир обнять -
задача без условий.
Дав смелости,
простить
себя уму,
ничем не скован,
совершить
готов я грех,
в тот день хотелось,
побыть
мне одному,
чтоб после снова,

любить
безумно всех.

Моему Ангелу

Ангелы живут без расписаний,
без часов, и без календарей,
они не выбирают нас заранее,
но и не ждут покорно у дверей.
Не ведут подсчёты добрых дел,
но и не терпят вольностей однако,
а ищут тех, кто по уши в беде,
надеясь лишь на знаки зодиака.
Когда душа моя окажется у края,
а позади все сожжен'ы мосты,
мой Ангел вдруг спускается из рая,
невинной не стесняясь наготы.
Меня согреет он и телом и душой,
прочь отодвинет беды и сомненья,
боль укротит любовной анашой,
что на мгновенье застывает время.
И я, проснувшись утром спозаранок,
забыв про горечь жизненных потерь,
бегу на кухню, ещё от ночи пьяный,
готовить кофе Ангелу в постель.

Стоп-кадр

Я свой фильм про ад,
прокручу назад,
отмолю свой грех,
и за тех,
кто ушёл за край,
раньше срока в рай,
жизнь прожив насп'ех,
всё успев.

Кадр остановлю,
там, где я люблю,
где к грехам мой Бог,
не был строг,
и, вздохнув шагну,
отмолив вину,
через пару строк,
за порог.

Чужая боль

Чтобы понять чужую боль,
придётся заново родиться,
чтоб в чьей-то шкуре очутиться,
знать, что назад не возвратиться,
взяв на себя чужую роль.
Чужой проникнуться судьбой,
преодолев времен границы,
прочсть её, страницу за страницей,
и, отыскав в них раненую птицу
сравнить её с самим собой.

Май

Май зелёными стежками,
лёт на чёрную канву,
и, как будто с сердца камень,
снова чувства оживут.
И, как раньше, буду верить,
я словам без векселей,
все вчерашние потери,
скроет пухом тополей.
До рассвета птичий гомон,
сон снимает, как рукой,
майским солнцем зацелован,
просыпаюсь я легко.
И, вдыхая полной грудью,
трав весенних аромат,
буду радоваться будню,
позабыв про груз утрат.

Взгляд

Посмотреть со стороны:
Богородица,
а в черных зарослях ресниц
черти водятся,
а в глубине, на самом дне,
тайна тайная,
что подсказывает мне:
"Я не случайная.
Тебе ниспослана судьбой,
как знамение,
чтоб будить всю жизнь собой
вдохновение."

Осень

Как быстро время, снова лето позади,
и неба синь сменило серое сукно,
а тёплые вчера ещё дожди,
нешадно листья обрывают за окном.
В дождём размытых окон зеркалах,
осенней улицы мелькают отраженья.
закрыл глаза, и лета привкус на губах,
как будто поцелуя продолженье.
Есть в осени особый, сладкий шарм,
когда в промозглый, неуютный вечер,
вдруг поцелуй ворвётся в память смерчем,
когда его уже давно не ждёт душа.

Любовь

Там вместо часов – закат и восход,
а юг – где нам вместе теплее.
Я там для тебя всегда Дон-Кихот,
а ты для меня – Дульсинея.
Любовь – это время счастливых оков,
где мы друг для друга Месс'ия.
Ад – это время, где ты далеко,
а рай – там, где время бессильно.

Путь

Как мир нелеп
под мишурой фасадов,
в нем горек хлеб,
и в то же время сладок.
жизнь коротка -
цепочка из мгновений -
нить из мотка,
чудес и сновидений.
Греша и каюсь,
мешая горечь с мёдом,
с мечтой о рае,
ищу дорогу бродом.
чтоб взять у Бога,
для жизни чистый лист.
длинна дорога,
и путь по ней тернист.

Она вертится

"Давай, земля,
Немножко отдохнем
от важных дел,
от шумных путешествий!"
Н.Рубцов

Вертится,
куда ж ей бедной деться,
остановиться – значит умереть,
нам трудно верится,
она не знала детства,
лишь смену лиц,
рождение их и смерть.
А на земле
вовсю бушуют страсти,
и каждый день
приносит счастье и беду.
Кто посильней,
становится у власти,
те, что слабей,
идут на поводу.
Там снег зимой
и лютые морозы,
жара в июле -
только пивом остудишь,
зато весной,
случаются курьёзы,
снега вернулись,
и опять сосульки с крыш.
Осенний сплин,
унылая пора,
а листопад,
лекарство от безумья.
В ночи камин,
как чёрная дыра,
в ней виден ад,
в минуты полнолуния.
Там с высоты
нисходит высший разум,
чтоб слово молвить
о неведомой судьбе,
чтоб я и ты,
вдвоём проснулись разом,
и я мог помнить,
только о тебе

Ещё не вечер

Ты говорила мне тогда:
"постой, еще не вечер,
ты никуда не опоздал...",
а мне ответить нечем.
Рвануть так хочется наверх,
а крылья не хотят,
и в небо я гляжу, как стерх,
свой потерявший ряд.
Февраль промозгл и уныл,
играет в прятки с нами,
нам шлет приветы от луны,
с пророческими снами:
морщинок невод на челе,
прошедших будней тень,
да крошки хлеба на столе,
на самый черный день.
Я отгоняю от души,
приснившийся кошмар,
как запах тела твой душист,
я твой гурман-клошар.
Февраль растает на стекле,
короче станет тень,
стоит подснежник на столе,
как в самый первый день.

Мой Питер

Мосты и ночи белые,
дворцы, дворы-колодцы,
да шп'или в небо стрелами,
что можно уколоться.
Там узенькие улочки
стекаются в проспекты,
на небе тучи рвут в клочки,
там продувные ветры.
Нева закована в гранит,
волн'ами камни лижет,
страниц историю хранит,
знакомых с детских книжек,
Корнями чувствую тебя,
мой детства милый город,
несовременен твой наряд,
ты стар, но сердцем молод.
В снах возвращаюсь я туда,
бессонными ночами,
в каких бы ни был городах,
я по тебе скучаю.

Вечер

Над рекой туман разлился,
как парное молоко.
Месяц на ночь приютился
под небесным потолком.
Тускло звёзды, светляками,
освещали млечный путь,
и сливались в лунный камень,
весь блестящий, словно ртуть.
Вот комета пролетела,
прочертила небосклон,
и упав за край, сгорела,
погрузила землю в сон.

Липовый чай

После липового чая
мягче кашель-горлодёр,
я по времени скучаю,
что из памяти не стёр.
И когда, давясь от хрипа,
ностальгией захожусь,
чай в мешочке фирмы "Липтон",
в ресторане закажу.
Чай, как чай, но не из липы:
тот по своему душист,
может он хорош от гриппа,
но не лечит боль души.
Лишь названием похожим,
будит детства миражи,
от того ль тоска так гложет,
а из глаз слеза бежит?
Я пойду, забыв дресс-коды,
к липе в парке босиком,
чтоб в любое время года,
душу мог лечить чайком.
Чтоб все мысли пропотели,
вышла хмарь из головы,
чтоб с душой в здоровом теле,
жить в согласии привык.

Антоновка

Где антоновка хрустит
аппетитным хрустом,
лето всё собрав в горст'и,
пахнет осень вкусно.
Из садов ядрёный дух,
запах яблок спелых,
лечит он любой недуг,
и души и тела.
Вкус – не сахар, ну и пусть,
этим мне и дорог,
пахнет яблоками Русь
антоновского сбора.

Осенние мотивы

Кленовый лист уже желтеет по краям,
прохладой утро снижает летний градус,
не дожидаясь наступленья сентября,
в ознобе лето покидает тихо август.
Ещё чуть-чуть, и через пару-тройку дней,
на всех деревьях, как будто сговорясь,
листва становится желтее и бледней,
зелёный шёлк сменив на крашеную бязь.
А небо в складках разлохмаченых кулис,
закат скрывая, спустится над крышей,
и вот уж первый на ветру кленовый лист,
сорвался вниз, кружась звездой рыжей.
В аллеях парка, словно сонные ежи,
каштаны прячутся в колючих летних шубках,
а ветер в кронах – бесприютный Вечный жид,
скрывает тайну непрощённого проступка.
И, вслед за первым оторвавшимся листком,
тоска накатит вдруг нежданно-нежданно,
и вот уж слёзы на глазах и в горле ком,
под стоны в трубах – от контральто до сопрано.
Прокравшись тихо в закулисы дежавю,
под шорох листьев, шелестящих под ногами,
вернусь туда, где весел был и юн,
и сдам на прочность памяти экзамен.
В который раз в судьбе осенний листопад,
кружит мне голову пьянящим разноцветьем,
а дождь промозглый и сырой осенний ветер,
меня уносят на много лет назад.

Вечность

Снова выпадут три карты,
шелестя на край стола,
будут Сартры, Бонапарты,
свечи, кровь, колокола...
Ось земная не сотрётся,
время не метнётся вспять,
будут встречи у колодца,
повторится всё опять.

Лето

Луговой кузнечик -
лета менестрель,
поёт с утра до вечера
его виолончель.
Дурманом трав навеяны
мелодии без слов,
они в траве рассеяны,
где прячется любовь.
Найду её желанную,
сплету из слов венок,
чтоб трав согрело пьяное,
душистое вино.
Осенней ночью стылою
сниму венок с гвоздя,
опохмелюсь унылой я
мелодией дождя.

Луна

Круглолица и бледна,
под глазами тени,
бродит по небу луна
словно привидение.
Ночи стали холодны,
тишина отрадою,
и, как слёзы у луны,
звёзды в небо падают.

Карусельные лошадки

Карусельные лошадки,
им не надо фуража,
резво скачут без оглядки:
«Берегись на виражах».
Им к сезону красят ноги,
вместо новеньких подков,
нет у них другой дороги,
нет любимых седоков.
И не ржут и не мигают,
лишь колёсики шипят,
целый день они катают
на своей спине ребят.
А ведь хочется сорваться,
чтоб из шага, прям в галоп.
после, в речке искупаться,
да мешает кнопка «Стоп».

Весна

Целует солнце нос и щёки,
а ветер кружит сарафан,
и флер, таинственный и лёгкий,
влечёт в беспечный нас роман.
Он, как весенний сон наивен,
пьянит, как свежее вино,
его наутро смоем ливень,
а ветер унесёт в окно,
оставив в памяти веснушки,
дух свежескошенной травы,
и шелест плачущей листвы,
да рыжий волос на подушке.

Вечеря

Кому-то даст Господь ума,
кому-то красоты,
писатель сядет за роман,
дьячок прочтёт псалтырь.
Молиться будет злату Крез,
а нищий медякам,
и каждый понесёт свой крест,
на суд последний в храм.
И там, в заоблачной тиши,
где всяк пред небом гол,
на всех горбушку раскрошив,
за общий сядем стол.

Кошка

На солнце греется кошка,
щурит глаза с поволокой,
за воробьём под окошком,
недремлющим следует оком.
А там – воробьиная свалка,
за хлеба сухую корку,
кошке корку не жалко,
от корки ей мало толку.
Да и от пичуг галдящих,
один только шум да гам.
Их счастье – помойный ящик,
как и помойным котам.
У неё ж молоко из блюда,
пусть старого, но с ободком.
Воробьи из-за корки бьются:
ну разве сравнишь с молоком.
На солнце дремала кошка,
и вздрагивала во сне.
Снилось ей детство в лукошке,
а может быть, сны о весне.

Июльский дождь

Нахмуренная, чёрная, как сажа,
пятном чернильным растекаясь в небесах,
свисала туча с крыш многоэтажек,
как пена после пива на усах.
В пространстве узком, меж землёй и тучей,
парит, как в бане липкой духотой,
застыло время, стало медленно-тягучим,
течет лениво струйкою густой.
Рванули ветры сквозняком со всех сторон,
подняв опавшую листву до самых крыш,
срывая с веток перепуганных ворон:
в одно мгновение вдруг воцарилась тишь.
Светло, как днём, улёгся ветер обессилен,
вокруг всё замерло, предчувствием томясь,
разверзлись хляби и из тучи хлынул ливень,
дождём смывая накопившуюся грязь.
Остатки тучи, налетев кромсали ветры,
по стёклам вымытым, по солнечным лучам,
ломая свет на радужные спектры,
июльский дождь по крышам застучал.

Запах свежескошенной травы

Когда захлёстывает грусть,
и сыт от истины в вине,
на миг зажмурюсь и очнусь,
в забытой памятью стране.
Там ветер шепчется с листвой,
роса блестит из паутин,
и пахнет скошенной травой,
с букетом споря лучших вин.
Река в слезах плакучих ив,
их утешают облака,
мальчишки, рыбы наловив,
её сажают на кукан.
В ночной купаемся реке,
с тобой, в чём мама родила,
и строим замки на песке,
пока милуются тела.
Я прихожу сюда во сне,
когда накатывает грусть,
забыв об истине в вине,
я в речку эту окунусь.
Потом, до первых петухов,
от звёзд нас спрячет сеновал,
там, не спускаясь с облаков,
тебя во сне я целовал.

Весеннее

Лизнуло солнце подоконник
через окошко в облаках,
я протянул к нему ладони
и весь насквозь весной пропах.
А окна в облаках все шире,
сосульки тают на глазах,
теперь весна во всей квартире,
и на полу, и на стенах

Женщинам

Вуаль прищуренных ресниц,
с плеч ниспадающая шаль,
как сонм нечитанных страниц,
недосягаемая даль.
Вполоборота полувзгляд,
за полусловом – полувздых,
без слов глазами говорят,
чем настигают нас врасплох.
В запасе – редкие слова,
немного их – всего лишь три,
от них кружится голова,
и всё сжимается внутри.
Тех слов становишься рабом,
за них всю жизнь отдать готов,
гордишься в возрасте любом,
ношеньем сладостных оков.

Весенние сны

Май девам оголил колени,
надев весенний им наряд,
в нас пробуждая вожделье,
к себе приковывая взгляд.
И ни пройти, и ни проехать,
нам мимо этой красоты,
и, чтоб скорей достичь успеха,
мы дарим женщинам цветы.
Их принимают благосклонно,
улыбкой нам сердца согрев,
и поцелуй воздушный с трона,
нам шлют, как милость королев.
Нас тешат тайною надеждой,
что муки наши не зазря,
и, что весенние одежды,
падут, как лист с календаря.

Осенний сплин

Осень – время для раздумий:
ночь, свеча, камин и грусть,
ожиданье новолуний,
слов, знакомых наизусть.
Всё, что радовало летом,
вдруг окажется пустым.
ночь исчезнет незаметно,
в закаминную пустынь,
чтоб задув свечи огарок,
догорающий камин,
сном укрыв, как пледом старым,
погрузить в осенний сплин.

Осенние метаморфозы

Сгорело лето,
рассвет промозгл и стыл,
из-за листвой ещё вчера шумящих веток,
в рассветной дымке,
траурным буклетом,
взлетели в небо церковные кресты.
А писк птенцов
сменил вороний грай,
не радуется уж свет резной наличник,
ход жизни нарушая мой привычный,
от солнца рано уходящего за край.
Ну, здравствуй осень,
ты, как всегда неожиданно,
вошла сквозь окна, а не через дверь.
Не ждал я вовсе,
что с утренним туманом,
тоска крадется, вслед за ним в постель.
А небо станет пасмурным и серым,
и дождик будет до зимы в окно рыдать,
плясать по крыше, как на голом нерве,
и настроенье по ночам – дождю под стать.
Смолк телефон:
наверно простудился,
кошмар медийный страшнее, чем война,
а почтальон,
как электрон у Бора Нильса,
сошёл с орбиты, перебрав в пути вина.
Ах осень, смилуйся,
повремени немного,
дай сил отвыкнуть от летнего тепла,
все чувства в минусе:
знаменьё эпилога,
мне выжгло лето видно чувства все дотла.
И осень рыжая,
сменила гнев на милость,
сверкнула солнцем по цветному полотну.
Из дома вышел,
пелена свалилась,
и я в почтовый ящик заглянул.

Бабье лето

Бабье лето не понять мужикам,
им, что лето, что зима – трын-трава.
Век бы прыгать да скакать по рукам,
а у бабы, что ни год, то за два.
Летом в поле от зари до зари,
да и семеро по лавкам в избе,
и мужик, чтоб по утрам не корил,
так, что некогда вздыхать о судьбе.
Только выдастся случайно денёк,
вдруг среди осени – весна на дворе,
будто, кто для баб тепла приберёт,
разбудил для них любовь в сентябре.
Не считает бабье лето года,
им разгладит всем нахмуренный лоб,
пропадут заботы все без следа.
бабье лето, а потом хоть потоп.

Прощание с осенью

Когда на небе полная луна
и осень спорит с белыми ночами,
алеют клёны в лунном свете кумачами,
в квадрате чёрном моего окна.
В стекле застыла бледно-розовая дымка,
замёрзших луж прозрачная слюда,
клён облетающий с берёзкою в обнимку,
украшенной серёжками из льда.
Не спится мне осенней этой ночью,
уже светает и луны фонарь поблек,
костры кленовые погасит первый снег,
мне холода суровые пророча.

Преддверие зимы

Ещё проглядывает зелень,
среди редющей листвы,
октябрь чем-то схож с апрелем,
вот только воздух мёрзл и стыл.
Да солнце всходит с опозданием,
всё раньше прячется за лес,
и резче веток чёрных грани,
похожих в сумерках на крест.
Как в спячке клёны и каштаны,
раздав осенние дары,
дождём залечивают раны,
остатком листьев боль прикрыв.
Мои так с клёном схожи чувства
и грусть неясная потерь,
нам так двоим на сердце грустно,
когда зима стучится в дверь.
Я наберу кленовых листьев,
их до апреля сохраню,
венки пошлю из закулисья,
весне – прелестной инжению.

Зимний город

Падал, словно пух лебяжий,
на асфальт пушистый снег.
Воробьи, на снежной пряже,
понаделали прорех.
Вслед за ними, по дорожке,
деловито, неспеша,
по снежку трусила кошка,
проверяя каждый шаг.
Вот в развязанной ушанке
проскользил по льду пацан,
чуть не сбитые гражданки,
вслед кричали: «хулиган!»
Но не злобно, не сердито,
для порядка, вмиг забыв.
город весь зимой пропитан,
удивительно красив.

Дыхание зимы

Чарует осень своим цветным нарядом,
пьянящим листьев запахом хмельным,
но, где-то мельком, чувствуется рядом,
неуловимое дыхание зимы.

Ещё не снятся ни морозы, ни метели,
походит лето бабье больше на весну,
и, вдруг заметил, что кусты заиндев'ели,
волшебник будто хрусталём их обернул.
Рассыпал иней с утра пушком на стёкла,
их по краям украсил в звёздчатый узор,
опавший лист, давно уже поблёлкый,
посеребрил календарям наперекор.

Я встану рано: на столе холодный чай,
в камин погасший загляну на всякий случай,
открою окна в доме настезь сгоряча,
навстречу воздух – морозный и колючий.

Долой печаль, уймись осенняя хандра,
настало время обновления и надежд,
прогнозы руша все, походкой от бедра,
зима шагает мне навстречу без одежд.

Снег

Наконец-то выпал снег,
грусть увядания припудрив
берёзок, потерявших кудри,
всем дав им на зиму ночлег.
Собой храня их юный образ,
баюкать будет до весны,
скрывая их осенний возраст,
под прядью гордой седины.
Весну дождавшись терпеливо,
нап'ойт землю и сойдёт,
а над рекой склонившись ива,
слезой в душе растопит лёд.

Зимняя сказка

Если у женщины ищущий взгляд,
и грусти в глазах повол'ока,
не слушайте то, что о ней говорят:
ей просто сейчас одиноко.
Просто морозы застали врасплох,
в весеннем её сарафане,
от летних дождей он ещё не просох,
и в прошлое памятью м'анит.
Летят мотыльками снежинки в глаза,
и тают, стекая на сердце,
а ветер в душе узелок развязал:
от памяти некуда деться.
Не надо будить, лучше горстку тепла,
из слов ободряющих бросить,
и вот уж слеза по щеке потекла,
напоминая про осень.
Очень ей нужен спасательный круг,
в заставшей её непогоде,
чтоб хоть на время смертельный недуг,
не был ей так безысходен.
Кто знает, ведь может быть это судьба,
забредших в метель одиночеств,
забытой улыбкой вернуться к губам,
будящей весну между строчек.
И с ней не страшны, ни мороз, ни пурга,
а снег – лепестки от ромашек,
сугроб станет сеном душистым в стогах,
а гром – мендельсоновским маршем.
Мороз отпустил, от улыбки притих,
сугробы под солнцем просели,
в кафешке, за столиком на двоих,
запахло грядущим апрелем.

Первые заморозки

Месяц выглянул двурогий
из-за тучи над трубой.
Кошка трётся мне об ноги,
спину выгнула дугой.
Лунный свет играет тенью,
от скользящих облаков.
Плачет тихо дождь осенний,
превращаясь в мотыльков.
И мерцают мутно звёзды,
сквозь замёрзшее окно,
обещают дней морозных,
белоснежья полотно.
Отразится в лужах месяц,
глядя в них, как в зеркала.
Прилетит из поднебесья
к нам зима, белым-бела.

Моей музе

Я живу в зачарованном мире,
где сливаются грёзы и явь.
Ты в моей холостяцкой квартире,
в эту ночь своё сердце оставь.
Разбуди, дай мечтам разговеться,
стены тесной каморки раздвинь,
дай взглянуть на ушедшее детство,
где мой Янь познакомился с Инь.
Приоткрой то, что тайной сокрыто,
мне туманы сомнений развеи,
чувства все процеди через сито,
в поседевшей моей голове.
Натяни струны сердца до звона,
чтоб, как в юность звучали они,
а весь мир, что судьбою разорван,
словом тёплым согрей, обними.
Я готов, словно раб на галерах,
горький свой отрабатывать хлеб,
оставаясь в душе флибустьером,
на широких просторах суд'еб.
Прошепчи мне про дальние дали,
где тепло от сверкающих звёзд,
чтоб нашли мы, что долго искали:
млечный путь среди белых берёз.
Мне ключи от волшебного слова
подари, дай прочувствовать вкус,
чтоб рождались из звука простого,
не слова, а мелодия чувств.

Евангелие от фонаря

Круж'ат снежинки мотыльками,
купаясь в свете фонаря,
внизу их ждёт холодный камень:
последний таинства обряд.
Кружась меж небом и землёю,
за миг познав и рай и ад,
от следом падающих скроют,
что нет для них пути назад.
Весна придёт на смену стужам,
храня, как память их любви,
под фонарём большую лужу,
чтоб в ней плескались воробьи.

Вначале было слово

В начале было слово и в конце,
а между ними время пролетело,
виски припорошило цветом белым,
морщины разбросало на лице.
Подкралась старость тихо, невзначай,
между словами здравствуй и прощай.

Трава-мурава

Когда упадёшь ты в траву-мураву,
и отыщешь с ней общий язык,
увидишь иначе небес синеву,
и взгляд на тебя стрекозы.
О многом расскажет трава-мурава,
про то, что давно позабыл,
напомнит из детства такие слова:
всё встанет внутри на дыбы.
Закроешь глаза и почувствуешь сам,
вдруг привкус рассветной зари,
и, если ты думаешь, это роса:
это слёзы рассвет обронил.

Жёсткий вагон

Вагончики качаются,
колёсики: тук-тук.
Всё в жизни возвращается
на свой начальный круг.
Звон ложек, подстаканников,
мельканье фонарей,
как милостыню странники,
ждём у своих дверей.
Салон-вагоны з'аняты,
лишь в жёстком есть места,
там приютили странники
на краюшке Христа.
Летит состав, качается,
как в парке карусель,
и долго не кончается
из прошлого туннель.

Старый дом

Старый дом идёт под снос.
Опустевшие квартиры,
как столешня после пира,
словно преданный Христос.
Он устал, и всем простил,
и давно готов уж к сносу,
хоть и держит ряд стропил,
крышу старую, как посох.
Жаль бездомных воробьёв,
да сверчка за стылой печкой,
их впредь никто не позовёт,
на заветное крылечко.
И не всхлипнет под ногами,
скрип рассохшихся дос'ок,
и всё то, что было с нами,
как вода уйдёт в песок.
Дом снесли, на пустыре,
бродят серые вороны,
грай звучит их похоронный,
словно памяти обет.
Слёзы счастья у соседа:
всё не вечно под луной,
а чувство, будто дом я пр'едал,
став в беде к нему спиной.
Вырву старый, ржавый гвоздь,
что торчит в оконной раме,
сохраню его на память,
сколько б ездить не пришлось.

Глаза

Глаза – врата таинственной души,
она ресницами пытается прикрыться,
и не узнаешь, что на дне её творится:
молиться хочет, или согрешить.
Она закрыта, лишь подрагиванье век,
предательски нам выдаст интерес,
и будто в Ноев ты с земли попал Ковчег,
а ощущение, что в тебе Христос воскрес.
Что не один ты, здесь шарик весь земной,
тут даже в дождь, витают птицы в облаках,
а буря вмиг смениться может тишиной,
и, может статься, ты вообще не при делах.
Душа – потёмки, а глаза – её врата,
тут и для смелых не всегда фартит удача,
и не помогут здесь медовые уста,
лесть, уговоры, ну а подкупы – тем паче.

Шитьё по живому

Я нитками суровыми
латаю в сердце раны.
Выходят швы корявые,
хоть шьётся не впервой.
Я знаю, что не н'долго,
и поздно, или рано,
закончится терпение
у нитки нулевой.
Сотрётся нить суровая,
иглы конец затупится,
рука к шитью привычная,
устанет раны шить.
Живу одной надеждою,
что у судьбы заступницы,
в запасе есть надёжные
заплатки для души.

Миг

Терпеть пустоту больше не вмоготу,
и яблони тонут в цвету.
Ветер разносит с цветков лепестки
осколками судеб людских.
Пусть красоты той и короток миг,
хоть кто-то услышит их крик.
Вьются, пока их к земле пригвоздят,
первые капли дождя.

В горах

Как воздух в горах чист,
а снег на вершинах бел.
Так глубоко вниз,
я в жизни ещё не глядел.
Здесь сказочно, как во сне,
и тучи касаются ног.
А ты среди серых камней,
жизни подводишь итог.
Ни почестей и ни наград,
нам в горы подъём не сулит,
и пусть, возвратившись назад,
нет места, где всё не болит.
Всё в жизни, что делал ты зря,
проветрится воздухом гор.
Мозоли нещадно горят,
но ты ими счастлив и горд.
Все в памяти время сотрет,
но мысль о горах не унять,
и, вспомнив сверкающий лёд,
нас в горы потянет опять.
Чтоб снова за спуском подъём,
а за подъёмом спуск,
еду разбавляя дождём,
от жизни почувствовать вкус.

Терпкий вкус рябины

Уходя, возьму на память,
горсть земли с моей дороги,
связку писем издалёка,
и рябины терпкий вкус.
Если время затуманит,
завлечёт в свои чертоги,
строчки писем ненароком,
скажут всё из первых уст.
Горсть земли моей далёкой
оживит воспоминанья,
милых образов и песен,
от которых в сердце грусть.
Без укоров и упрёков,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.